

ЭКСПЛИКАЦИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2015 А.В.Дубовская

Пятигорский государственный лингвистический университет

Статья поступила в редакцию 06.10.2014

В статье представлены результаты анализа прагмастилистического анализа контекстов литургического дискурса на английском языке, содержащих негативные коннотации обреченности, отчаяния, безысходности.

Ключевые слова: безысходность, лексика, модальность, негативная коннотация, стилистические средства, эмоция.

Как известно, язык в процессе вербальной коммуникации служит не только средством передачи и получения интеллектуальной информации, но также и эмоциональной, так как человек передаёт свои чувства и влияет на возникновение реакции на них у других людей. Знания в области эмоций постоянно возрастают. Всё более точные сведения о них поступают от специалистов различных отраслей наук, так как трудно представить любой вид деятельности, не связанный с эмоциональной сферой жизни человека. Накоплено определённое количество данных, которые в разных планах освещают эту проблему.¹ Так, на-

пример, модальное значение дружеского отношения говорящего к собеседнику в английском языке и установление метаязыков средств его модальных вариантов находим в работе Г.И.Ермоленко², где доказывалось, что вербальные средства экспликации модальных значений речевой просодии обладают различной метаописательной силой, т.е. специфичностью просодических характеристик, и что ведущим фактором в таких случаях является степень эмоциональной насыщенности. Изучение психических переживаний с лингвокультурологических и лингвокогнитивных позиций, выявление базовых эмоций в сфере типовых эмоционально значимых ситуаций общения, были также предметом исследования ряда специалистов³, которые отмечают, что «общее эмоциональное пространство человечества предопределяет и существование общего эмоционального смыслового поля. Последнее воспроизводится, прежде всего, в лексических и

^о Дубовская Альбина Васильевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции.

E-mail: dubovsky@pglu.ru

¹ Дубовский, Ю.А. Эстетический потенциал в фонетической компетенции северокавказского билингва при чтении русского стиха / Ю.А.Дубовский // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – №4. – С. 197 – 200; Дубовский, Ю.А. Русская просодия на Северном Кавказе: монография / Ю.А.Дубовский, О.В.Воробьева, О.В.Гончарова, Е.О.Мартьянова, А.Е.Садовая, Л.Ф.Шишимер; под общ. ред. Ю.А.Дубовского. – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – 552 с.; Дубовский, Ю.А. Когни-лингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе: монография / Ю.А.Дубовский, Т.Б.Заграевская, О.Г.Колесник. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. – 501 с.; Заграевская, Т.Б. Категория «оценка» как лингвистическая проблема: монография / Т.Б.Заграевская. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – 324 с.; Подлесова, О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А.Подлесова. – Самара: 2009. – 24 с.; Силинская, Н.П. Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.П.Силинская. – Санкт-Петербург: 2008.

– 22 с.; Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И.Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

² Ермоленко, Г.И. Модальная семантика речевой просодии и её метаязык (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.И.Ермоленко. – Пятигорск: 1988. – 18 с.

³ Кучменова, Ж.М. Эмоциональные концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж.М.Кучменова. – Нальчик: 2005. – 21 с.; Подлесова, О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах; Фирсова, Е.О. Оценочно-экспрессивная функция интонации (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.О.Фирсова. – Иркутск: 2005. – 17 с.

фразеологических единицах языка. В современном языкознании выделяют лингвистику эмоций, что особенно важно для межкультурной коммуникации»⁴.

Текстовая вербализация эмоций в свете гендера на материале английского и французского языков исходит из того, что гендер играет основную роль в социальной, культурной и когнитивной ориентации человека, а потому исследование манифестации гендерных стереотипов на основе лингвокультурологического подхода, является одним из основополагающих при изучении гендерного фактора в языке. Выявляются когнитивные механизмы эмотивности, связанные с взаимодействием языковых и мыслительных категорий⁵.

Словообразовательный потенциал глаголов с семей «эмоция» в современном русском языке восполняет информацию, связанную с эмоциональными словами⁶: речь идёт не только о проявлении эмоциональных моментов на лексическом уровне. Вопрос об эмоциональной лексике непосредственно относится к таким важным теоретическим проблемам, как язык и общество, язык и речь, языковые функции. Концентрируется внимание на участках деривационного потенциала, которые открыты для словообразования, и на таких, которые, наоборот, закрыты, и с чем это связано. Изучается принадлежность вторичных единиц номинации к этому процессу. Семантике различных эмотивных смыслов на материале различных языков уделяется довольно большое внимание⁷ при рассмотрении теоретических предпосылок создания нового направления современного языкознания – теолингвистики⁸ и проблем варьирования эмотивно-оценочного тона языковых единиц.

⁴ Кучменова, Ж.М. Эмоциональные концепты в языковой картине мира – С. 3.

⁵ Исхакова, З.З. Текстовая вербализация эмоций в свете гендера (на материале английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.З.Исхакова. – Уфа: 2005. – С. 3.

⁶ Артюхова, С.В. Словообразовательный потенциал глаголов с семей «эмоция» в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В.Артюхова. – Махачкала: 2005. – 21 с.

⁷ Кислякова, Е.Ю. Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов (на материале текстов художественной литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю.Кислякова. – Волгоград: 2004. – 20 с.; Шамратова, А.Р. Семантика эмотивов любви в английском и французском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю.Кислякова. – Уфа: 2006. – 22 с.

⁸ Кислякова, Е.Ю. Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов

Исследования, посвященные изучению английских концептов социальных эмоций, содержащихся в семантике единиц лексико-фразеологического микрополя⁹ утверждают, что они образуют систему, складывающуюся на пересечении оппозиций положительные / отрицательные эмоции, стенические / астенические, свой / чужой. Исходя из системы вышеперечисленных параметров, выделяются единицы, обозначающие эмоции; единицы, выражающие эмоции; и единицы, выполняющие обе названные функции. Доказывается, что в этом измерении эмотивные единицы связаны с лингвокультурными концептами соответствующих эмоций.

Изучение грамматических маркеров эмоциональности на материале ряда языков¹⁰ касается вопросов «лингвистики эмоций», выделяясь в отдельную отрасль исследования, что свидетельствует об актуальности изучения «языка эмоций». Делаются попытки провести комплексный интегративный анализ семантики эмотивных грамматических (морфологических и синтаксических) единиц языка и определить их место в системе функционально-семантического поля эмотивности¹¹. Выявление языковых средств реализации категории эмотивности в английской детской литературе с опорой на понятие эмоционального концепта¹² доказывает, что для детских произведений характерна эксплицитность эмотивных средств, которая в свою очередь обеспечивает легкость при декодировании эмоций читателем.

Формирование концептов отрицательных эмоций в фразеологической картине мира на материале разных языков¹³ в определённой мере согласуется с их пониманием в различных психо-

⁹ Подлесова, О.А. Концепты эмоциональных состояний в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах ...

¹⁰ Илинская, А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С.Илинская. – Барнаул: 2007. – 19 с.

¹¹ Илинская, А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке:

¹² Воинова, В.В. Реализация категории эмотивности в англоязычной детской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В.Воинова. – Санкт-Петербург: 2006. – 22 с.

¹³ Силинская, Н.П. Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира:; Ванякина, Е.В. Негативно-эмотивные характеристики человека в лингвокультурологическом аспекте (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В.Ванякина. – Иваново: 2005. – 21 с.; Кремишюкалова, М.Ч. Когнитивно-дискурсивная модель малых жанров устной речи (на материале благопожеланий и проклятий): автореф. дис. ... докт. филол. наук / М.Ч.Кремишюкалова. – Нальчик: 2014. – 39 с.

логических теориях эмоций. Специфика фразеологической вербализации концептов эмоций заключается в метафорическом способе постижения и презентации абстрактных объектов – сущностей внутреннего мира – через конкретные образы, основанные на опыте существования человека в материальном мире. Метафорический способ концептуализации эмоций обуславливает осмысление фразеологических наименований эмоций одновременно как внутренних психических переживаний, мыслей и оценок, так и внешних ситуаций, связанных с этими переживаниями. Это означает, что эмоциональные концепты поддаются характеристике в соответствии с компонентной структурой ситуации, сценария переживания эмоций.

Исследования многих лингвистов показывают, что наиболее разнообразны и многочисленны языковые средства, служащие для выражения отрицательной оценки человека¹⁴.

В фонетических работах последних лет¹⁵ подчеркивается особая роль интонации при актуализации эмоционального отношения говорящего к какому-то объекту, поскольку выражение эмоций составляет неотъемлемую часть процесса речевого общения и именно интонация играет при этом ведущую роль. При единстве мнений о важности эмоционально-экспрессивной функции интона-

ции отмечается отсутствие единой общепринятой трактовки этой функции¹⁶.

Наряду с этим, подчеркнем мнение специалистов в данной области знаний, что эмоционально-модальное состояние говорящих, может быть выражено различными средствами: интонацией, лексическими единицами, словообразовательными способами, междометиями, частицами и т.д. Каждое конкретное эмоционально-модальное состояние в дискурсе в зависимости от экстралингвистической ситуации может вербализоваться определенным набором конкретно-языковых особенностей.

Значительный интерес вызывает у многих специалистов изучение эмоционального синтаксиса, где вербализация особых структур позволяет выразить эмоционально-оценочное отношение к предмету мысли.¹⁷ В лингвистике появляются работы, где используется теория парадигматического синтаксиса для анализа семантических, грамматических и функциональных особенностей эмоциональных видов фраз¹⁸.

Исследование лексических средств для выражения эмоционально-модального состояния говорящего также представляет полезную информацию, так как поиск лексических единиц и механизм их словообразования ведут к пласту лексикологии, которая способна передавать чувства и настроение говорящего.

В задачу данной работы входит изучение стилистических языковых средств, характерных для передачи эмоционально-модальных состояний негативных коннотаций обреченности, отчаяния, сомнения и безысходности в английском литургическом дискурсе.

Материалом для исследования послужило содержание главы “Ecclesiastes”, взятой из Библии.¹⁹ Кроме того, были отобраны 30 контекстуальных ситуаций, выражающих эмоционально-модальное состояние негативных коннотаций отчаяния, сомнения, безысходности и обреченности, выбранные из аудио-видео материалов, имеющихся в распоряжении автора работы. Весь материал, отобранный для изучения, был подвергнут семантическому и слуховому (30 ситуа-

¹⁴ Дубовский, Ю.А. Эстетический потенциал в фонетической компетенции северокавказского билингва при чтении русского стиха – С. 197 – 200; Ванякина, Е.В. Негативно-эмотивные характеристики человека в лингвокультурологическом аспекте (на материале немецкого языка): – С. 3.

¹⁵ Дубовский, Ю.А. Русская просодия на Северном Кавказе:; Дубовский, Ю.А. Вклад Минской фонетической школы в теорию межъязыковой просодической интерференции / Ю.А.Дубовский, Т.Б.Заграевская // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – №2 (2). – Т.16. – С. 401 – 407; Дубовский, Ю.А. Просодическая интерференция в условиях искусственного билингвизма (Накопление экспериментальных данных для целей лингводидактики конца XX в.) / Ю.А.Дубовский, Т.Б.Заграевская // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – №2 (3). – Т.16. – С. 657 – 666; Заграевская, Т.Б. Вариативность фонетической системы русского языка на Северном Кавказе / Т.Б.Заграевская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического ун-та. – 2010. – №1. – С. 23 – 28; Копосов, Я.В. Лингвистические корреляты эмоционального состояния «страх» в русской и английской речи: формирование базы данных: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.В.Копосов. – М.: 2004. – 23 с.; Фирсова, Е.О. Оценочно-экспрессивная функция интонации (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.О.Фирсова. – Иркутск: 2005. – 17 с.

¹⁶ Фирсова, Е.О. Оценочно-экспрессивная функция интонации – С. 7.

¹⁷ Балли, Ш. Французская стилистика / Ш.Балли. – М.: Изд-во иностр.лит., 1961. – 395 с.

¹⁸ Богородицкий, В.А. Очерки по языкознанию и русскому языку / В.А.Богородицкий. – М.: Учпедгиз, 1939. – 224 с.; Рыбакова, М.В. Эмоциональность в системе коммуникативных типов предложений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В.Рыбакова. – М.: 1985. – 16 с.

¹⁹ *The Holy Bible*. New International Version. – The Gideons International in the British isles. – 1118 p.

ций) анализам. В задачу носителей английского языка и специалистов-филологов входило определить степень адекватности подобранного языкового материала поставленным целям, коммуникативную направленность ситуаций, что, по их мнению, является определяющим при формировании типа эмоционально-модального состояния негативных коннотаций (звуковая организация, лексический состав, структурное или стилистическое построение).

Слуховой анализ показал, что эмоционально-модальное состояние негативных коннотаций отчаяния, сомнения, безысходности и обреченности может реализоваться в предложениях любого коммуникативного типа. Однако наиболее часто встречаемыми коммуникативными типами являются восклицание и риторический вопрос. Например:

- a) *So I saw that there is nothing better for a man than to enjoy his work, because that is his lot. For who can bring him to see what will happen after him?*
- b) *"Meaningless! Meaningless!" says the Teacher. "Utterly meaningless! Everything is meaningless."*
- c) *You are eating the fruit of your way...*
- d) *With much wisdom comes much sorrow; the more knowledge, the more grief.*
- e) *Death is the destiny of every man.*

И не случайно, высказывания, передающие отчаяние, подавленность, растерянность, сомнение, безысходность в повествовательных реализациях (с), (d), (e), характеризуются снижением энергетического уровня во фразах с компонентом *meaningless*.

В восклицательных и вопросительных проявлениях энергетическая структура эмоционального состояния негативных коннотаций увеличивается. Обычно в качестве просодически маркированных слов выступают интенсификаторы (например: *utterly meaningless*), передающие сильную степень отчаяния, напр.:

- I denied myself nothing my eyes desired;
I refused my heart no pleasure.
My heart took delight in all my work, and this was the reward for all my labour. Yet when I surveyed all that my hands had done and what I had toiled to achieve, everything was meaningless, a chasing after the wind; nothing was gained under the sun.*

Энергетическая структура фраз негативных состояний очень вариативна, что, очевидно, связано с тем, что эмоции отчаяния и подавленности, безысходности и сомнения, растерянности и обреченности встречаются редко в «чистом виде», а часто состоят из доминирующей эмоции и сопутствующей, типа отчаяние + безысходность, отчаяние + обреченность и т.д., напр.:

What does man gain from all his labour at which he toils under the sun? Generations come and generations go, but the earth remains for ever.

The sun rises and the sun sets, and hurries back to where it rises.

The wind blows to the south and turns to the north; round and round it goes, ever returning on its course.

All streams flow into the sea, yet the sea is never full.

To the place the streams come from, there they return again.

All things are wearisome, more than one can say.

The eye never has enough of seeing, or the ear its fill of hearing.

What has been will be again, what has been done will be done again; there is nothing new under the sun.

Is there anything of which one can say, "Look! This is something new"?

It was here already, long ago; it was here before our time.

В данном фрагменте четко прослеживается эмоциональное состояние безысходности, обреченности + подавленности + растерянности + угнетенности.

Высокая частотность риторических вопросов в нашем материале объясняется стремлением создать атмосферу безвыходности и безысходности, заставляющей читателя задуматься над смыслом жизни. Транспозиция вопроса в эмфатическое утверждение усиливает впечатление, угнетает эмоциональное состояние, развивает чувство подавленности, напр.:

a) *Since no man knows the future, who can tell him what is to come?*

b) *The wise man has eyes in his head, while the fool walks in the darkness; but I came to realize that the same fate overtakes them both. Then I thought in my heart, "The fate of the fool will overtake me also. What then I gain by being wise?"*

c) *Who is like the wise man? Who knows the explanation of things?*

d) *Who knows what is good for a man in life, during the few and meaningless days he passes through like a shadow? Who can tell him what will happen under the sun after he is gone?*

Иногда риторический вопрос может выполнять функцию пояснения для категорического утверждения, напр.:

No-one knows what is coming – who can tell him what will happen after him?

«Ecclesiasters» написана могущественным царем Израиля, сыном Давида, который в своей жизни имел всё, что могла дать ему жизнь: мудрость, талант, удовольствия, силу..., но полностью во всем разочаровался – «All proved meaningless». Он не нашёл смысла в жизни, что вербально актуализовано в экспрессивном отрицании, созда-

вая семантико-синтаксическую характеристику составляющих его суждений, сбалансированных на контрасте между возможным и действительным, напр.:

What is the point of life? You work hard, and someone else gets all the credit. You struggle to be good, and evil people take advantage of you. You accumulate money, and it goes to spoiled heirs. You seek pleasure, and it turns sour on you. And everyone – rich or poor, good or evil – meets the same end. We all die. There is only one word to describe this life: meaningless!

Предельная лаконичность и компрессия информации причинно-следственных отношений высказывания усиливает выражение необратимости ситуации и свидетельствует об эмоциональной подавленности говорящего. Стилистическая релевантность рамочной структуры повтора определяет главную мысль и тему текста (*We all die*), формирует отрицательные эмоционально-модальные состояния обречённости и безысходности.

В следующем примере – *Man's fate is like that of the animals; the same fate awaits them both: As one dies, so dies the other. All have the same breath; man has no advantage over the animal. Everything is meaningless. All go to the same place; all come from dust, and to dust all return. Who knows if the spirit of man rises upward and if the spirit of the animal goes down into the earth?* – компрессия информации, передаваемая целой конвергенцией стилистических приемов (хиазм, построенный на параллелизме двух смежных конструкций; сравнение; риторический вопрос; повтор) свидетельствуют о психологическом состоянии персонажа, а риторический вопрос вовлекает читателя в рассуждение и сопереживание, заставляет его думать вместе с ним. Здесь наблюдается транспозиция вопросительного предложения в риторический вопрос с переходом в имплицитное эмфатическое утверждение, что усиливает выражение необратимости и безысходности ситуации, создает чувство подавленности и стилистически его маркирует.

Показательно использование лексико-синтаксического приёма антитезы в *“Ecclesiastes”*, когда компоненты структуры предложения являются семантическими антонимами, что символизирует диалектическое единство процесса жизни, его необратимость и неизменность. Семантическая оппозиция, базируясь на однотипных структурах, создаёт мощный эффект контраста. Проследим это на следующем примере:

*There is a time for everything, and a season for every activity under heaven:
a time to be born and a time to die,
a time to plant and a time to uproot,
a time to kill and a time to heal,*

*a time to tear down and a time to build,
a time to weep and a time to laugh,
a time to mourn and a time to dance,
a time to scatter stones and a time to gather them,
a time to embrace and a time to refrain,
a time to search and a time to give up,
a time to keep and a time to throw away,
a time to tear and a time to mend
a time to be silent and a time to speak,
a time to love and a time to hate,
a time for war and a time for peace.*

Циклический и нескончаемый процесс жизни создается анафорическим параллелизмом, а внутренняя интонационная организация формирует эмоционально-модальное состояние повторяемости и неизменности. Подхват, показывающий связь между двумя идеями, увеличивает не только экспрессивность, но и ритмичность, выделяет взаимосвязь предметно-логической информации и эмоционально-модального состояния, сливая их в единую картину окружающей действительности и ритма жизненных процессов.

Особое модальное и эмоциональное значение, экспрессивность и стилистическую окраску приобретает многократный повтор лексемы *time*, несущий денотативное значение с дополнительными коннотациями. Время – это движение и изменения; движущийся образ вечности (Платон). Время – это не только пространство, но и душа (Аристотель). Референция к пространству и времени как элементам языковой картины мира раскрывает семантику пространственных и временных выражений в специфике для каждой культуры. Вербализация пространства и времени с позиций наблюдателя определяет роль наблюдателя в интерпретации времени и пространства. В некоторых последних работах по когнитивистике²⁰ отмечается о недопустимости изучения специфики концептуализации времени в отрыве от человека – носителя темпорального опыта. Нужно увязывать движение времени с собственным движением, проживанием и развитием жизни в целом. Это исследование подтверждает эгоцентрический характер языкового мышления индивида и обусловленность концептов «прошлое», «настоящее» и «будущее» субъективным корпоральным опытом движения и восприятия.

Ключевым структурным компонентом, создающим состояние эмоциональной депрессии, безысходности и обреченности, является повтор предметно-логической информации *...everything*

²⁰ Чугунова, С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... докт. филол. наук / С.А.Чугунова. – Тверь, 2009. – 20 с.

was meaningless, chasing after the wind. Проанализируем следующие фрагменты из “Ecclesiastes”:

a) *I refused my heart no pleasure. My heart took delight in all my work, and this was the reward for all my labor. Yet when I surveyed all that my hands had done and what I had toiled to achieve, everything was meaningless, chasing after the wind; nothing was gained under the sun.*

б) *Whoever loves money never has money enough; whoever loves wealth is never satisfied with his income. This too is meaningless.*

в) *All man's efforts are for his mouth, yet his appetite is never satisfied.*

What advantage has a wise man over a fool?

What does a poor man gain by knowing how to conduct himself before others?

Better what the eye sees than the roving of the appetite.

This too is meaningless, a chasing after the wind.

Развёрнутость синтаксической конструкции *everything was meaningless*, её экспрессивную избыточность, можно объяснить упадочным настроением персонажа и связать со строем его мышления, характером и особенностями восприятия ситуации и реалий мироощущения, развязка которых фокусируется на *nothing was gained under the sun*. Союз *yet* взаимодействует с характером разветвлённости текста, выполняя как логическую, так и стилистическую функции, позволяет объединить всю сложность личной жизни и выразить отрицательное отношение к процессу реальной действительности. Повышенная острота негативного эмоционального состояния, переживания и впечатления, усиливающие трагизм ситуации, подчеркиваются отрицательным суффиксом *-less*, выражающим отсутствие или утрату чего-либо. Синтаксическая валентность конструкции “*everything was meaningless*” широко вступает в синтаксические связи с разными классами слов в условиях контекста, напр.:

a) *Whoever loves money never has money enough; whoever loves wealth is never satisfied with his income.*

This too is meaningless!

б) *Wisdom is meaningless; Pleasures are meaningless; Toil is meaningless; Wisdom and folly are meaningless.*

в) *There is something else meaningless that occurs on earth: righteous men who get what the wicked deserve, and wicked men who get what the righteous deserve.*

This too, I say, is meaningless.

Негативное эмоциональное состояние усиливается, как правило, на повторе тем и элементов текста, на использовании предложений с однородными членами, на параллельных конструкциях, что создаёт ритмическую сетку всей предметно-логической информации, передавая чувства и настроения, физическое и психологическое напряжение, значительные отрицательные волне-

ния. Рассмотрим следующий фрагмент из “Ecclesiastes”:

What has been will be again, what has been done will be done again, there is nothing new under the sun. Is there anything of which one can say, “Look! This is something new”? It was her already, long ago; it was here before our time.

В данном примере пролеживается стремление к логическому доказательству бессмысленности жизни на основе причинно-следственных связей сложного предложения с характерным присоединением, которое поддерживается параллельными конструкциями и анафорой. Эффект убедительности достигается благодаря элементам разговорного синтаксиса.

Одой из основных лексико-семантических единиц данного произведения является выражение *under the sun*, лексическая валентность которого иррадирует на весь текст. *What is the point of life?* спрашивает себя автор и отвечает: *There is only one word to describe this life: meaningless!* Это суждение имеет конкретно-образную и эмоциональную сущность, воздействуя на читателя и вызывая отрицательные или положительные эмоции, создавая определенное волевое состояние.

Всем словам в тексте противопоставлены антонимические пары. Каждое существительное или глагол актуализованы одновременно в двух возможных для них вариантах, напр.:

What does man gain from all his labor at which he toils under the sun?

Generations come and generations go, but the earth remains forever.

The sun rises and the sun sets, and hurries back to where it rises.

The wind blows to the south and turns to the north; round and round it goes, ever returning on its course.

All streams flow into the sea, yet the sea is never full.

To the place the streams come from, there they return again.

Контраст предметно-логической информации достигается антитезой, усиливающей выразительность благодаря столкновению в одном контексте прямо противоположных понятий: *come – go; rises – sets; blows – turns back; come from – return.*

Эмоционально-модальная подавленность построения реализована на анафорическом параллелизме однотипных структур в развернутой метафоре, напр.:

I thought to myself, “Look, I have grown and increased in wisdom more than anyone who has ruled over Jerusalem before me; I have experienced much of wisdom and knowledge.” Then I applied myself to the understanding of wisdom, and also of madness and folly, but I learned that this, too, is a chasing after the wind.

For with much wisdom comes much sorrow; the more knowledge, the more grief.

Эффект нарастания передаёт значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации и, кроме того, часто служит важным средством связи между предложениями, причем иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной. Повтор словосочетаний *increased in wisdom, experienced much of wisdom and knowledge, the understanding of wisdom* ориентируют читателя в передаче глубокой философской концепции о смысле и значении мудрости жизни в противовес незнанию и невежеству, глупости. Асиндетон создаёт ритмичность и способствует адекватному восприятию настроения персонажа, сопереживая с ним. Причинно-следственные отношения заключительной части примера, реализованные с помощью антитезы, создают лаконичность и компрессию суждения, где противопоставление *wisdom* и *knowledge*, с одной стороны, и *sorrow* и *grief*, – с другой, символизирует отчаяние, подавленность и безысходность и передают сильное внутреннее напряжение говорящего.

Эмоционально-модальное состояние уныния и подавленности нагнетается благодаря аккумуляции лексических единиц с ярко выраженными оценочными коннотациями негативного характера, типа:

the tears of the oppressed – and they have no comfort-er; the power was on the side of their oppressors; the dead, who had already died, are happier than the living, who are still alive; but better than both is he who had already has not yet been, who has not seen the evil that is done under the sun; man's envy of his neighbor; his eyes were not content with his wealth; to deprive oneself of enjoyment; the life is meaningless, a chasing after the wind; all come from dust, and to dust all return; и др.

В этом глубоко философском произведении противопоставлены добро и зло, мудрость и глупость, бедность и богатство, радость и горе, жизнь и смерть. Как найти себя и понять истину «почему»?

Что касается выяснения комплексного языкового портрета литургического дискурса как одного из древнейших жанров воздействующей коммуникации, то это предстоит еще сделать.

EXPLICATION OF MODALITY IN THE LITURGICAL DISCOURSE

© 2015 A.V.Dubovskaya^o

Pyatigorsk State Linguistic University

The article presents the results of the pragmastylistic analysis of liturgical discourse contexts in English containing negative connotations of doom, hopelessness, despair.

Key words: attitude, emotion, hopelessness, negative connotation, stylistic means, vocabulary.

^o Albina Vassilyevna Dubovskaya, Candidate of philology, Professor of Department of experimental linguistics and cross-cultural competence. E-mail: dubovsky@pglu.ru